

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2011 г. Е.Ю. ЗУБКОВА*

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Была ли в СССР частная жизнь? Вызовы и предрассудки

Частная жизнь – это тот предмет, который неизменно вызывает интерес и живое любопытство. Частная жизнь людей советской эпохи – сюжет особый. С одной стороны, именно этот срез советской действительности, казалось бы, менее всего был защищен от взгляда постороннего, с другой – существовала каста людей, советских вождей, чья личная жизнь для остальных сограждан всегда была тайной за семью печатями. Долгое время сам вопрос – была ли в СССР частная жизнь как автономная сфера существования – казался риторическим, по крайней мере, по отношению к значительному отрезку существования страны. Суждение о сталинском периоде советской истории как о времени почти полного отсутствия приватности становилось мнением, не требовавшим доказательств.

Ситуация начала меняться в 1990-х гг., когда изучение частной жизни советской эпохи стало приобретать все большую популярность среди историков, социологов, культурологов¹. Интерес к истории частной жизни в ее советском измерении питался из нескольких источников. С одной стороны, он был обусловлен логикой развития самого исторического знания, осваивающего новые пространства. Стремление получить более объемное представление о механизмах функционирования советской системы и качествах общества советского типа привело к тому, что фокус изучения советской эпохи стал постепенно смещаться с политической на социальную историю, в том числе историю повседневности, семьи, общественных настроений, социальных норм и аномалий, историю сексуальности, гендера и т.д.

Однако несмотря на этот историографический поворот, скепсис, точнее, предубеждение относительно существования приватных пространств в советской повседневности, историкам удалось преодолеть далеко не сразу. Как признались авторы проекта по изучению публичной сферы в обществах советского типа, представления об исключительной роли политического фактора в советской системе были настолько устойчивы, что ставили под вопрос уместность изучения частной жизни применительно к советским реалиям вообще². Могла ли при коммунистическом режиме в принципе существовать автономно действующая личность – этот вопрос всегда оставался спорным³, поскольку привычной была картина, в которой индивид и общество в целом представляли в этом режиме объектами, всецело находящимися во власти могущественного государства-Левиафана⁴.

Серьезным аргументом, поставившим под сомнение корректность применения этой модели по отношению к советским реалиям, стало поведение людей после краха коммунистического режима. Вопреки стереотипным представлениям о советском че-

* Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ловеке как о человеке в высшей степени государственнозависимом, значительная часть бывших советских граждан довольно быстро адаптировалась к новым условиям существования, демонстрируя при этом и способность к вполне автономным действиям, и приверженность к тому, что принято было называть западными ценностями – индивидуализму, предпринимательству, приватности и т.д. «Левиафан» рухнул, но жизнь после этого не остановилась и, несмотря на болезненность процессов посткоммунистической трансформации, потекла другим порядком. Этот порядок не мог родиться в одночасье и из ничего⁵. «Появление большого числа индивидуалистов озадачивало, так как Россия еще недавно считалась предельно коллективистской страной», – комментировал ситуацию О. Хархордин, размышляющий в этой связи над особенностями генеалогии российской личности⁶.

Взгляд на советское общество из постсоветской перспективы стал еще одним импульсом, пробудившим интерес к тем сторонам советской действительности, где присутствие государства было заметно меньше или где его претензии на контроль имели меньше шансов быть реализованными в полной мере, к тем сферам бытия, где индивид наиболее успешно мог представлять и защищать свои частные интересы. Идея о наличии частных пространств в системах советского типа теперь не казалась nonsensom, однако их характер, границы, пределы проницаемости требовали не только концептуализации, но и конкретных исследований.

Ускользающий предмет, или «великая дихотомия»

Сюжеты, так или иначе связанные с историей частной жизни людей прошедших эпох, занимали историков всегда⁷. Однако как специальное направление исторических исследований история частной жизни оформилась только в 1980-х гг. Концептуальное освоение нового исследовательского поля западными историками и их российскими коллегами имело свою специфику, что позволяет в данном случае говорить о складывании определенной традиции в подходах к изучению частной жизни в российской и зарубежной историографии. Первая трудность, с которой сталкивается каждый, кто обращает внимание на историю частной жизни, начинается с попытки определить свойства самого предмета, не имеющего четких границ и строгих содержательных смыслов. Вопрос о том, как поймать в фокус этот «ускользающий» предмет, продолжает оставаться актуальным, несмотря на дискуссии, которые делятся по поводу понятий «частная жизнь», «приватная сфера», «приватность» уже не одно десятилетие⁸.

В западной историографии сценарий этих дискуссий определяли поиски баланса внутри дихотомии «частное»/«публичное»⁹. Концептуальные рамки дискуссии были заданы во многом благодаря почти одновременному появлению в конце 1980-х гг. англоязычных изданий знаменитых книг – французского пятитомника «История частной жизни» под редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби¹⁰ и книги Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы», опубликованной в оригинале на немецком языке еще в 1962 г.¹¹ Новая традиция исследования истории частной жизни и приватности зарождалась в спорах по поводу концептуальных подходов авторов этих книг. Впоследствии эти споры отразились и в исследованиях по советской истории: в начале 2000-х гг. появились 2 книги, которые в этом смысле можно считать знаковыми. Одна из них, подготовленная под редакцией Г. Риттершпорна, М. Рольфа и Я. Берендса, была посвящена особенностям формирования и функционирования публичной сферы в обществах советского типа¹². Участники другого проекта ставили своей главной задачей определить границы и содержание частных пространств в рамках советской системы и советского социального порядка. Так появилась книга «Границы социализма. Частная сфера в Советской России», вышедшая в 2006 г. под редакцией Л. Зигельбаума¹³.

Несколько в стороне от западной историографической традиции стояли попытки осмысления феномена приватного при социализме, опиравшиеся на социологические и культурологические подходы. В то время как историки советского общества находи-

лись в плену предубеждений относительно самой возможности существования приватной сферы при коммунистическом режиме, люди, не столь обремененные корпоративными предрассудками, взялись за изучение предмета, которого якобы не было. В этом ряду первыми были исследования В. Шляпентоха и О. Хархордина¹⁴.

Формирование российской традиции изучения истории частной жизни происходило несколько по иному сценарию. Можно сказать, что в постсоветской России исторические исследования на этом направлении развивались главным образом под влиянием «школы Анналов» и французской историографии в целом. Дискуссии по поводу «великой дихотомии», как и теория «неформальной публичности» Хабермаса, практически не нашли инструментального применения в конкретных исследованиях. Увлечение историей частной жизни пришло в Россию в 1990-х гг., и произошло это во многом благодаря усилиям и энтузиазму Ю.Л. Бессмертного, под руководством которого в Институте всеобщей истории РАН несколько лет работал специальный семинар¹⁵. Отличительная особенность российских исследований 1980–1990-х гг. заключалась в предпочтениях географического (Западная Европа) и хронологического (Средневековые и Новое время) порядка. Изучение частной жизни в России в те годы, как правило, не перешагивало рубеж XX столетия. Ситуация изменилась после того, как в российской исторической науке стали завоевывать более прочные позиции история повседневности, социальная и гендерная история. Проблемы частной жизни лежат на стыке нескольких наук, поэтому междисциплинарность – единственный путь овладения «ускользающим» предметом. Это со всей очевидностью продемонстрировали авторы, пожалуй, самого успешного российского проекта последних лет «Семейные узы: модели для сборки», где через фокус семьи, семейных и родственных отношений представлена история частной жизни в России, в том числе на протяжении всего XX в.¹⁶ Однако если подходы к изучению семьи действительно могут рассматриваться в виде моделей, то, используя аналогию авторов проекта, по отношению к истории частной жизни в советскую эпоху скорее можно говорить о существовании не моделей, а *деталей* для сборки. Сам же процесс конструирования из этих деталей *модели* продолжает оставаться актуальной задачей для историков советского общества – как в самой России, так и за ее пределами.

Детали, т.е. аспекты истории частной жизни, представлены в исследованиях по нескольким направлениям. Среди них лидирует история повседневности. В книгах Ш. Фицпатрик¹⁷ и Н. Лебиной¹⁸ к сфере частного относятся бытовые практики, семейно-брачные отношения и сексуальное поведение. В той же традиции, но уже на более широком хронологическом материале выполнено исследование Н. Лебиной и А. Чистикова¹⁹. Авторы ряда работ по истории «жилищного вопроса» (С. Бойм, Е. Герасимова, М. Меерович, Ю. Обертрейс, С. Рейд и др.) рассматривают жилище как пространство коммуникации и способ организации частной жизни²⁰. Частная жизнь как сфера интимного представлена в исследованиях по проблемам сексуальности (И. Кон, С. Голод, Ф. Бернштейн, Е. Здравомыслова, А. Темкина, Э. Нейман, К. Кур-Королев, С. Чуйкина и др.)²¹. Не могли пройти мимо этих сюжетов и приверженцы гендерного подхода, который ярче всего заявил о себе в «женской истории» (В. Голдман, Э. Вуд, К. Шайде и др.)²². Одной из центральных проблем исследований по истории частной жизни в советскую эпоху является государственная политика в сфере семейно-брачных и сексуальных отношений (Г. Лапидус, И. Кон, Е. Здравомыслова, А. Темкина, О. Казьмина, Н. Пушкарева)²³.

Таким образом, из «факультативного» направления исторических исследований²⁴ история частной жизни советской эпохи постепенно становится одним из наиболее активно развивающихся сегментов истории России советского периода. Старый спор о том, была ли частная жизнь в СССР, становится анахронизмом. Вместе с тем остаются другие вопросы, касающиеся специфики ее функционирования в рамках «советского проекта» – о границах приватности, о степени открытости и закрытости частной жизни, степени личной свободы и несвободы граждан в различные периоды советской эпохи. Ответы на них важны не только для характеристики советского режима и даже

не только для понимания функционирования системы «власть—общество». Существует еще один параметр изучения — советская жизнь как способ существования человека в определенной системе координат: политических, социальных, культурных. Менялись координаты — менялся и способ существования.

В этом смысле частная жизнь тоже имела систему координат. Л. Зигельбаум настаивает, например, на невозможности представления приватной сферы в одной плоскости и структурирует ее как многоуровневое, сложное пространство²⁵. Любые структурные построения в данном случае носят условный характер, однако без определения границ приватная сфера не может быть предметом научного анализа. Эксперты по-разному оценивают степень растяжимости этих границ. В широком смысле слова в сферу частной жизни включаются даже частное предпринимательство и частная собственность²⁶, что само по себе является весьма спорным. Пространство частной жизни в узком смысле ассоциируется, прежде всего, с «ближним кругом» человека — семьей и домом, а также сообществом друзей²⁷. Необходимо заметить, однако, что семья как пространство частной жизни не равнозначна семье как социальному институту. Советская практика — лучшее тому подтверждение: достаточно вспомнить 1930–1940-е гг., когда политика, направленная на укрепление семьи как института, сопровождалась довольно жесткими ограничениями приватности.

Частная жизнь имеет еще одно измерение — индивида, собственно человека, мир его переживаний, чувств, эмоций²⁸. Можно сказать, что частная сфера — это *территория индивида*, его личное жизненное пространство. Это его «убежище», независимо от того материализовалось оно в виде дома, семьи или существовало только виртуально, в сознании человека. Особенно агрессивные попытки государства перестроить и подчинить контролю приватную сферу нередко на самом деле активизировали в ней механизмы самосохранения — человек замыкался в семье, как в крепости, уходил во «внутреннюю эмиграцию»²⁹. Изучение проблемы комфортного сосуществования с советской действительностью или возможного бегства от нее может дать немало любопытного для понимания феномена советского. Во всяком случае, индивидуальные практики всегда вариативнее практик коллективных, а участие в «советском проекте» — активное или пассивное — научило людей выживать в любых условиях. Е. Осокина, например, называет это качество «социальным иммунитетом»³⁰.

В теории критериями идентификация сферы частной жизни, как правило, служат оппозиционные пары: частное и публичное, индивидуальное и общее, скрытое/интимное и открытое. По определению Дж. Вайнтрауба, главными маркирующими признаками приватного могут служить 2 оппозиции: скрытое, потаенное в отличие от открытого, публичного и индивидуальное, частное в отличие от коллективного, общего³¹. На практике оппозиции, конечно, оказываются условными, а грани между ними проницаемыми. Так, давние споры о соотношении сфер частного и публичного в конце концов привели к достижению консенсуса о невозможности полного автономного существования обеих. Как замечает Л.П. Репина, в современной историографии «частное и публичное рассматриваются либо как перемещающиеся в едином континууме сферы, либо как обращенные друг к другу, взаимноориентированные стороны социальной жизни»³². По отношению к советскому социальному пространству нерасчлененность частного и публичного особенно очевидна.

Однако речь идет не только о принудительной, или вынужденной, публичности частной жизни советских граждан. Если внимательно присмотреться к некоторым советским реалиям, особенно в послевоенные годы, нетрудно обнаружить в них элементы, ростки новой, неформальной публичности, берущие свое начало в частной сфере. Поэтому концепция Хабермаса³³ о «прорастании» частной сферы в публичную и формировании на этой основе гражданского общества («аутентичной публичной сферы») работает не только применительно к обществу западного типа, хотя это допущение является отнюдь не бесспорным и часто оспаривается³⁴. О складывании гражданского общества в советский период говорить не приходится, но «голубые дунаи» первых послевоенных лет, «кухни» и «хаты», клубные кафе и «компании» 1950–1960-х гг., даже

самиздатовское сообщество – все это специфически советское выражение неформальной публичности, оппозирующей публичности официальной³⁵.

Некоторые авторы говорят в этой связи о существовании двух публичных сфер – официальной и неформальной, последнюю называют еще «второй публичной сферой»³⁶. Неформальная публичная сфера выступает в роли медиума и одновременно пограничного пространства между зоной официальной публичности и приватной сферой и поэтому она может быть определена как «приватно-публичная сфера»³⁷. В отличие от западных обществ, где граница между публичной и частной сферами достаточно строго обозначена и охраняется в том числе юридической нормой, в советском обществе эти границы оказывались проницаемыми, причем, как правило, в одном направлении, когда официальная публичность в лице «общественности» или государство безапелляционно вторгались на территорию индивида.

В историографии считается общепринятым, что период наибольшего ограничения частных пространств приходится на 1930-е – начало 1950-х гг., когда интимность бытия приобретает условный характер. «Тотальная публичность существования» – так пишет о сталинской эпохе Д. Михель, полагая, что стремление к тотальной подконтрольности частной сферы было одной из составляющих «советского проекта»: «Бытовой коммунизм должен был обеспечивать формирование новой общности людей – советского народа, т.е. народа, у которого нет частной жизни, чей быт и жизненное пространство открыты для партийного, государственного контроля»³⁸. Замысел этот, казалось бы, с успехом претворялся в жизнь, однако уже с середины 1950-х гг. начинается процесс, который вполне может быть назван реабилитацией или реанимацией частной жизни. С этого момента реализация «советского проекта» пошла по более либеральному пути – без агрессивного наступления на частную жизнь, но и без отказа от моральных постулатов коммунистической идеологии, всегда презиравшей индивидуализм. Поэтому «право на частную жизнь», которое получили советские граждане, было связано не столько с расширением границ свободы (довольно относительной в советскую эпоху вообще), сколько с реализацией курса на повышение жизненного уровня населения, в первую очередь – программы жилищного строительства.

Характеристика хрущевской эпохи как времени либерализации государственной политики по отношению к сфере частного, впрочем, оспаривается. О. Хархордин справедливо заметил, что, несмотря на изменение качества частных пространств (в связи с массовым переездом в отдельные квартиры) в то же самое время происходит фактически второе после 1920-х гг. рождение проекта «коллективизации жизни» – в рамках хрущевского курса на повышение роли «общественности». Хрущевская эпоха, по мнению Хархордина, стала «временем окончательного укоренения системы взаимного надзора и коммунального контроля – системы более тщательной и надежной в своем функционировании, чем открыто репрессивная сталинская система»³⁹.

В результате обращения к конкретному историческому материалу происходила корректировка не только общепринятых представлений о развитии частной сферы в различные периоды советской истории. Менялся также взгляд на соотношение частного и публичного в обществах советского и западного типа. При внимательном и непредвзятом отношении обнаруживалось, что, несмотря на очевидную разнородность политических режимов, частная жизнь граждан в Советском Союзе хотя и имела свою специфику, но развивалась по тем же законам и имела те же тенденции развития, что и частная жизнь людей на Западе. Очевидно, что в истории не было такого режима, которому удалось бы полностью взять под свой контроль частную жизнь граждан. Точно так же не существовало и столь демократичного государственного устройства, где бы государство и общественные институты не вмешивались бы в частную сферу, прежде всего в область семейных отношений.

Если иметь в виду систему разрешений-запретов, то советские граждане в этом смысле не всегда находились в числе аутсайдеров. Так, тенденции в развитии семьи в СССР вполне соответствовали мировым, а тем более европейским. Кризис традиционной семьи, расцвет индивидуализма, сексуальная революция – все эти явления не

обошли стороной Россию. В 1955 г. в стране был официально легализован аборт (после почти 20-летнего запрета). В Италии это случилось только в 1978 г. По количеству разводов на душу населения в 1980 г. СССР уступал только США, обогнав европейские страны⁴⁰. Поэтому о какой бы то ни было советской специфике можно говорить только с учетом тех перемен, которые затронули сферу частной жизни и за пределами СССР. Л. Зигельбаум пришел в этой связи к выводу, что если смотреть на специфику советского социализма через призму частной жизни, то многие вещи оказываются уже не столь специфически советскими⁴¹.

Кроме того, как только заходит речь о социокультурных процессах, СССР как единое пространство «исчезает» и возникает многообразие культурных норм и практик, имеющих различную природу: социальную (например, в городе и деревне) или этническую, обусловленную традициями конкретных этносов. Все-таки идеологический сплав под названием «советский народ», хотя и получил некоторые вполне осязаемые контуры, не смог переварить в себе особенности традиционной культуры, элементы которой сохранились во многом именно благодаря консерватизму частной сферы. Совершенно очевидно, что и внутри одного этноса модели частной жизни в представлениях и практиках будут отличными у городских и сельских жителей, у представителей молодых и старших поколений, у мужчин и женщин. Наконец, жители Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда) могут рассматриваться в этом смысле как особые социумы – со специфическими для жителей больших городов проблемами в организации частного пространства и гораздо большей (чем в той же «глубинке») социокультурной мобильностью.

Трудности перевода

Если говорить о бесспорных особенностях частной жизни в ее советском измерении, то они начинаются с понятийного аппарата, точнее с языка. Редко кто из авторов, рискнувших взяться за этот сюжет, не упомянул о сложностях перевода западного понятия «privacy» русским аналогом «частная жизнь»⁴². «Советская идеология была изначально враждебна к самому слову “частный”. Советские официальные документы оперировали другими понятиями – “индивидуальная собственность” или “личная собственность” вместо “частной”», – пишет В. Шляпентох, но в то же время признает, что, несмотря на это, «в повседневном общении, журналистике, фильмах и т.д. слово “частный” использовалось»⁴³. Особенности бытования понятия «частная жизнь» не в последнюю очередь определялись культурной традицией. В русском языке первый и наиболее употребительный смысл слова «частный» означает часть чего-то целого. Второй – частное как возрастное, не имеющее большого значения, отклонение (частный случай). Частное в смысле «приватное» появилось позднее. Словарь В.И. Даля, например, приводит это значение как последнее по значимости⁴⁴.

Идеология и практика большевизма придали понятию «частный» негативный смысл. Революция победила под лозунгом борьбы с частной собственностью. В новом языке слово «частник», т.е. человек, владеющий частной собственностью, имело негативные коннотации, было «ругательным»⁴⁵. Поэтому, например, собственность, которой владели граждане, называлась не частной, а «личной». «В русском языке советского периода, – замечает И. Утехин, – эти два слова противопоставлялись: “частный” имело отрицательную коннотацию (как противопоставленный общественному), а “личный” было нейтральным. “Личная собственность” в советском обществе допускалась, а “частная” если не вовсе запрещалась, то ограничивалась»⁴⁶. В силу разных смысловых значений «частного» и «личного» применительно к советским реалиям Хархордин предлагает разделить такие понятия, как «личная жизнь» и «частная жизнь». Первая – жизнь «индивидуальности» вне официальных структур, но тем не менее на виду, вторая – приватная, скрытая от взгляда постороннего⁴⁷.

Различие между «личным» и «частным» закреплялось не только в языке, но и в законодательной норме. Личная собственность ценилась дешевле государственной. На-

пример, по указам от 4 июня 1947 г. – об уголовной ответственности за хищения в одном случае государственной, а в другом – личной собственности, были предусмотрены различные сроки наказания. Кража государственного имущества без отягчающих обстоятельств каралась заключением на срок до 10 лет, за кражу личного имущества можно было получить до 6 лет⁴⁸.

Коммунистическая идеология расставляла свои приоритеты в отношениях между личным и общим, между коллективным и индивидуальным. В этой системе ценностей общий интерес подавлял личный, а коллективизм как ценность противопоставлялся индивидуализму. В массовом сознании культивировался комплекс служения и жертвенности. Жертвенность во имя общей цели предполагала ограничения, в том числе и в сфере частной жизни. Это значит, что в системе ценностей – как предписываемых, так и акцептированных – частной жизни отводилось второстепенное значение. Частная жизнь представлялась как фактор, отвлекающий «сознательных» граждан от строительства социализма.

Миф «Большой стройки» – один из главных советских мифов, «строительство» – ключевое сигнальное понятие. Идея «Большой стройки» – конкретной, как Магнитка и ДнепрогЭС, или перспективно-абстрактной, как построение социализма и коммунизма, – задавала особый ритм и стиль жизни. Жизнь на «стройке» (вариант: жизнь «на марше») – не лучшие условия для создания «гнезда», погружения в «быт» и тем более для отвлечения на «мелочи» частной жизни. Участие в «стройке» становилось одновременно и жертвой, и наградой. Все виды энергии человека, в том числе и энергия сексуальная, должны были раствориться в энергии «строительства». «Половое влечение вытравим. Размножение станет ежегодной формальностью, как возобновление продовольственной карточки», – в таком духе рассуждали герои Дж. Оруэлла⁴⁹. Но не только они. В одной книжке, посвященной так называемому половому воспитанию и изданной не на заре «строительства», а уже в «оттепельные» 1960-е гг., читаем: «Половое воздержание в нашей стране имеет реальные основания для осуществления, так как у нас существуют большие возможности для сублимации»⁵⁰. В качестве примера сексуального воздержания упоминались спортсмены и космонавты⁵¹. Пример должен был увлечь: космонавты являлись тогда едва ли не самыми популярными в стране людьми.

Однако одно дело моральные нормы или идеологические предписания и другое – практики. Авторы исследований по различным сюжетам частной жизни обращают внимание главным образом на регламентирующую составляющую, тогда как неподнадзорный сегмент частной жизни, реальные практики выстраивания личного, интимного пространства остаются в тени. Подобный ракурс исследований во многом был задан состоянием источников, в которых отражалась в первую очередь политика государственного регулирования сферы частной жизни. Специальный анализ (например, в форме опросов) ценностных ориентаций и практик поведения людей в интимной сфере в СССР проводился только в 1920-х гг., а потом частично возобновился в середине 1960-х гг. Это произошло во многом благодаря энтузиазму таких одиночек, как С. Голод, действовавших на свой страх и риск⁵². Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельников, например, назвал эти опросы «идеологической диверсией против советской молодежи»⁵³. Систематические социологические исследования начались только в 1980-х гг.

Для 1930–1950-х гг. фактически единственной разновидностью источников, позволяющих реконструировать сферу приватности как мир субъективных ощущений и практик, являются источники личного происхождения: дневники, письма, отчасти мемуары. Для выстраивания социологических закономерностей такие источники, конечно, непригодны, но на уровне микроистории или истории казуса они работают, позволяя понять механизмы личного выбора и организации индивидуального жизненного пространства в определенной системе социальных координат. В конце концов, история частной жизни складывается именно из историй жизни конкретных людей. Казус – один из ключей к пониманию истории частной жизни. Эта мысль принадлежит

Ю.Л. Бессмертному, который считал, что с их помощью «исследователь сможет нащупать спектр возможностей индивида в данной среде и через них уловить не только ее общие характерные черты, но и уникальность культурной ситуации, складывающейся в каждом конкретном казусе»⁵⁴. История частной жизни вполне может развиваться в русле направления под условным названием «история одной семьи». Семейных хроник в последние годы появилось немалое количество. Однако в большинстве своем они в лучшем случае могут служить источником информации для историка, поскольку, выполненные в жанре жизнеописаний, выпадают «инструментально» из исследовательского контекста истории частной жизни. Казус есть, но без соответствующего инструментария, позволяющего выделить стереотипное и уникальное, индивидуальное и общее, он не работает. Надо признать, что авторы большинства семейных хроник и не ставят перед собой такой задачи.

Первой попыткой создать из разрозненных семейных хроник историю частной жизни в советскую эпоху явился масштабный проект, осуществленный под руководством О. Файджеса. Его результатом стала книга «Говорящие шепотом: частная жизнь в сталинской России», впервые опубликованная на английском языке в 2007 г., а потом переведенная и на другие языки⁵⁵. Для осуществления проекта были собраны сотни интервью, тысячи документов из семейных архивов, и в этом смысле масштабы проделанной работы впечатляют. Однако конечный результат оказался скромнее вложенных усилий. Разрекламированный как откровение о частной жизни в сталинскую эпоху, проект скорее может быть отнесен к жанру коллективной или собирательной семейной хроники. Поскольку в нем отсутствуют концептуальные рамки, позволяющие реконструировать сферу частной жизни из отдельных семейных историй, название книги вводит читателя в заблуждение. Не случайно, наверное, при подготовке немецкого издания словосочетание «частная жизнь» исключили из названия, и осталась просто «жизнь в сталинской России», что, несомненно, более адекватно содержанию книги⁵⁶.

Некоторые итоги

История частной жизни в советскую эпоху, наконец, обрела полноценную «прописку» в исторических исследованиях, а изучение советского проекта в целом благодаря этому получило новое измерение. За последние 2 десятка лет представления о качестве и механизме функционирования приватной сферы в обществах советского типа кардинально изменились: от сомнения, были ли вообще доступны советским людям ценности частной жизни, до признания, что, пожалуй, именно в сфере приватного советский проект оказался не столь специфичным, а частная жизнь граждан нередко развивалась под влиянием тех же тенденций, что и в западном мире.

Это, конечно, не значит, что советская специфика организации приватных пространств и практик отсутствовала вовсе. Напротив, в системе отношений между государством и индивидом, частным и публичным, коллективным и индивидуальным было много советского, обусловленного влиянием коммунистической доктрины, политических практик режима и не в последнюю очередь – культурной традицией. На протяжении десятилетий не было недостатка в попытках уничтожить приватность или хотя бы сделать приватную сферу, «территорию индивида» полностью подконтрольной государству. Случалось такое не только в жесткие сталинские годы, но и в «оттепелые» хрущевские. Порой казалось, что цель уже достигнута или будет достигнута вот-вот, и новый советский человек, вполне освоившийся с ценностями коллективного быта, под приглядом «общественности» и под опекой государства переключивший сексуальную энергию на «строительство», предъявит себя миру как готовый продукт невиданного социального эксперимента.

Споры о том, насколько и в какой части этот эксперимент удался, ведутся до сих пор. Однако очевидно, что его разработчики не рассчитали силу инерции частной жизни и стремления человека к приватному пространству. Наступление на приватность

не уничтожило частную жизнь, оно привело к пространственному сжатию частной сферы, но одновременно повысило ценность этого маленького пространства. Частная жизнь – семья, дом, ближний круг – стали «внутренней эмиграцией», «личной заграницей» для каждого, кто в этом нуждался, а бегство в приватность – стратегией выживания для многих советских граждан, их способом существования и сосуществования с системой. В этом своем качестве приватная сфера вполне вписалась в советский проект.

В процессе эволюции советского режима, ослабления политического контроля и отказа от наиболее жестких репрессивных практик сфера частной жизни стала прибежищем инакомыслия и площадкой для развития неформальной публичности. Первые ростки неформальной публичности («кухни», «кафе», «компании») не могли конкурировать с публичностью официальной, культивируемой государством, хотя бы в силу отсутствия условий, обеспечивающих саму возможность конкуренции. Тем не менее они стали частью советской жизни, которая сама по себе, если смотреть на нее без предвзятостей и предубеждений, представляла собой множественность миров и измерений. Частная жизнь – одно из них.

Примечания

¹ Л. Зигельбаум писал в этой связи, что история частной жизни советской эпохи переживает своего рода «минибум» (*Siegelbaum L. Introduction: Mapping Private Spheres in the Soviet Context // Siegelbaum L. Borders of Socialism. Private Spheres of Soviet Russia. Basingstoke, 2006. P. 5*).

² *Rittersporn G., Rolf M., Behrends J. (Hrsg.) Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten. Frankfurt a/M., 2003. S. 8.*

³ Там же.

⁴ Созданный Гоббсом образ удачно использует М. Гарселон, показывая, как в тени дряхлеющего коммунистического «Левиафана» зарождаются формы неформальной публичности и расширяются границы приватности (*Garcelon M. The Shadow of the Leviathan: Public and Private in Communist and Post-communist Society // Weintraub J., Kumar K. (Ed.) Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy. Chicago, 1997. P. 303–332*).

⁵ Г. Риттершпори, М. Рольф и Я. Берендс отмечают по поводу быстрой адаптации части населения к новым жизненным реалиям после распада коммунистической системы: «По-видимому, это свидетельствует о том, что по крайней мере какая-то часть публичной жизни в условиях государственно-социалистической диктатуры готовила граждан к этим переменам» (*Rittersporn G., Rolf M., Behrends J. Op. cit. S. 10*).

⁶ *Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002. С. 5.*

⁷ Подробнее о частной жизни как предмете исторического исследования см.: *Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 11–19; Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Там же. С. 20–32.*

⁸ Анализ подходов к изучению истории частной жизни в мировой историографии см.: *Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // Weintraub J., Kumar K. Op. cit. P. 1–42; Wolf A. Public and Private in Theory and Practice: Some Implications of an Uncertain Boundary // Ibid. P. 183–203; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 248–262.*

⁹ *Weintraub J., Kumar K. Op. cit.*

¹⁰ *A History of Private Life. Vol. 1–5. Ed. by Ph. Ariès, G. Duby. Cambridge, 1987–1991. Оригинальное издание: Histoire de la vie privée / Dir. par Ph. Ariès, G. Duby. Vol. 1–5. Paris, 1985–1987.*

¹¹ *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989. Оригинальное издание: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a/M., 1962.*

¹² *Rittersporn G., Rolf M., Behrends J. Op. cit.*

¹³ *Siegelbaum L. Op. cit.*

¹⁴ См., например: *Shlaphentokh V.* Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia. N.Y., 1989; *Kharkhordin O.* Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia // *Weintraub J., Kumar K.* Op. cit. P. 333–363.

¹⁵ Результаты исследований участников семинара см.: Человек в кругу семьи...; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000.

¹⁶ Семейные узы: Модели для сборки. Сборник статей. Кн. 1–2/Подред. С. Ушакина. М., 2004.

¹⁷ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; *она же.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001 (Оригинальные издания: *Fitzpatrick Sh.* Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. N.Y., 1994; *eadem.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N.Y., 1999).

¹⁸ *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999.

¹⁹ *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.

²⁰ *Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, 1994; *Гегасимова Е.* Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 224–244; *Gerasimova K.* Public Spaces in the Communal Apartment // *Rittersporn G., Rolf M., Behrends J.* Op. cit. P. 165–193; *Обертрейс Ю.* «Бывшее» и «излишнее»: изменение социальных норм в жилищной сфере в 1920–1930-е гг. На материалах Ленинграда // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920–1930-е гг. / Под общ. ред. Т. Вихвайнена. СПб., 2000; *Obertreis J.* Tränen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. Köln [u.a.], 2004; *Меерович М.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008; *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М., 2001; *Reid S.E.* The Meaning of Home: «The Only Bit of the World You Can Have to Yourself» // *Siegelbaum L.* Op. cit. P. 145–170; и др.

²¹ *Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997; *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996; *Кон И.С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997; *Черных А.И.* «Крылатый эрос» и промфинплан // Социологические исследования, 1993. № 8. С. 105–113. *Kuhr-Korolev C.* Die sowjetische Jugend im Sexual- und Moraldiskurs der 1920er Jahre // *Kuhr-Korolev C., Plaggenborg S., Wellmann M.* (Hg.). Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation. Essen, 2001. S. 263–283; *Чуйкина С.* «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х гг. // В поисках сексуальности / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2002. С. 99–128; *Bernstein F.L.* The Dictatorship of Sex. Lifestyle Advice for the Soviet Masses. Illinois, 2007; и др.

²² *Russian's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by I.E. Clements, B. Engel, Los Angeles; Oxford, 1991; *Goldman W.Z.* Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life 1917–1936. Cambridge, 1993; *Koberling A.* Das Klischee der Sowjetfrau. Stereotype und Selbstverständnis Moskauer Frauen zwischen Stalinära und Perestroika. Frankfurt a/M.; N.Y., 1997; *Wood E.A.* The Baba and the Comrade. Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997; *Scheide C.* Kinder, Küche, Kommunismus. Das Wechselverhältnis zwischen sowjetischem Frauenalltag und Frauenpolitik von 1921 bis 1930 am Beispiel Moskauer Arbeiterinnen. Zürich; Freiburg, 2002; и др.

²³ *Lapidus G.* Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective // *Women in Russia.* Stanford. 1977. P. 115–138; *Кон И.С.* Указ. соч. С. 117–226; *Здравомылова Е.А., Темкина А.А.* Советский этаткратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 441–461; *Казьмина О., Пушкарева Н.* Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 1. М., 2004. С. 185–218.

²⁴ *Михель Д.* Супружеская спальня: к «святая святых» современной семьи и от нее // Там же. С. 493.

²⁵ *Siegelbaum L.* Op. cit. P. 3.

²⁶ Именно в таком «расширенном» качестве приватная сфера представлена в проекте Л. Зигельбаума.

²⁷ *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. С. 261.

²⁸ Ж. Дюби настаивал на двухфокусном подходе к изучению частной жизни, которая подразумевает и «домашний очаг», и «расцвет индивидуальности» (*Histoire de la vie privée*. Vol. 1. P. 3–6).

- ²⁹ О защитном механизме приватной сферы см., например: *Obertreis J.* Op. cit. S. 360; *Figes O.* *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia.* L., 2007.
- ³⁰ В данном случае я ссылаюсь на выступление Е. Осокиной на конференции «История сталинизма» (декабрь 2008 г.), материалы которой готовятся к изданию.
- ³¹ *Weintraub J.* Op. cit. P. 4–5.
- ³² *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. С. 261.
- ³³ *Habermas J.* *The Structural Transformation of the Public Sphere.* P. 27–31.
- ³⁴ Г. Риттершпорн, М. Рольф и Я. Берендс полагают, например, что публичные пространства в обществах советского типа едва ли имели что-либо общее с элементами гражданской публичности, о которых писал Хабермас. См.: *Rittersporm G., Rolf M., Behrenvs J.* Op. cit. S. 10.
- ³⁵ О «голубых дунаях» как социокультурном феномене см.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 г. М., 1999. С. 34–35. О феномене «компаний» см.: *Fürst J.* *Friends in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s* // *Siegelbaum L.* Op. cit. P. 229–250.
- ³⁶ В наиболее систематизированном виде концепция «второй», или «неформальной» публичной сферы представлена в исследовании Ингрид Освальд и Виктора Воронкова: *Oswald I., Voronkov V.* *Licht an, Licht aus! «Öffentlichkeit» in der (post-)sowjetischen Gesellschaft* // *Rittersporm G., Rolf M., Behrends J.* Op. cit. P. 37–61.
- ³⁷ *Ibid.* P. 56–57.
- ³⁸ *Михель Д.* Указ. соч. С. 500.
- ³⁹ *Хархордин О.* Обличать и лицемерить. С. 389.
- ⁴⁰ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М., 2004. С. 344–345.
- ⁴¹ *Siegelbaum L.* Op. cit. P. 17.
- ⁴² См., например: *Кон И.С.* Указ. соч. С. 14; *Shlaphentokh V.* Op. cit. P. 4; *Kharkhordin O.* *Reveal and Dissimulate.* P. 343; *Studer B., Unfried B.* «Das Private ist öffentlich». Mittel und Formen stalinistischer Identitätsbildung // *Historische Anthropologie.* 1999. Н. 1. S. 99.
- ⁴³ *Shlaphentokh V.* Op. cit. P. 4.
- ⁴⁴ *Даль В.И.* *Собрание сочинений. Толковый словарь.* Электронное издание. М., 2001.
- ⁴⁵ О. Хархордин замечает в этой связи, что бытование слов «частный», «частная жизнь» в советском лексиконе обладало негативным «привкусом» и использовалось главным образом в значении «сепаратный», «обособленный» (*Kharkhordin O.* *Reveal and Dissimulate.* P. 333–363).
- ⁴⁶ *Утехин И.* Особенности неуклонного роста в условиях зрелости // *Неприкосновенный запас.* 2007. № 4(54).
- ⁴⁷ *Kharkhordin O.* *Reveal and Dissimulate.* P. 343–345.
- ⁴⁸ *Советская жизнь. 1945–1953 гг. / Сост. Е.Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 444.*
- ⁴⁹ *Оруэлл Дж.* 1984. Скотный двор. М., 2003. С. 183.
- ⁵⁰ *Чучелов Н.И.* О половом воспитании. М., 1965. С. 21.
- ⁵¹ См., например: *Габелов А.А., Деранкова Е.Б.* Гигиена брака. М., 1964. С. 4.
- ⁵² Полностью результаты опросов 1960–1970-х гг. С.И. Голоду удалось опубликовать лишь в 1990-х гг. См.: *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 38–71.
- ⁵³ Цит. по: Интервью с профессором С.И. Голодом // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2002. № 3. С. 8–9.
- ⁵⁴ *Бессмертный Ю.Л.* Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁵ *Figes O.* *The Whisperers.*
- ⁵⁶ *Figes O.* *Die Flüsterer. Leben in Stalins Russland.* Aus dem Englischen von Bernd Rullkötter. Berlin, 2008.